

Оба были мокрыми насквозь, с них капала вода, оставляя мокрый след от входа до лестницы. Су Цзяньцю сжался в объятиях Фу Бая, дрожая всем телом. Казалось, у него поднялась температура, на щеках выступили два болезненных румянца, руки бессильно обвивали шею Фу Бая.

Прислуга не смела медлить: кто-то побежал наполнять ванную в главной спальне горячей водой, кто-то — готовить имбирный отвар на кухне, кто-то позвонил домашнему врачу. Обычно Фу Бай не был человеком со скверным характером, и редко кто видел его в таком состоянии, поэтому все сразу занервничали.

В ванной включили обогреватель, температура быстро поднялась, из ванны поднимался густой пар.

Фу Бай занес Су Цзяньцю в ванную и, словно очищая персик, раздел его догола. Влажный жар пара мгновенно окутал всё тело. Дрожащее тело Су Цзяньцю наконец успокоилось.

Омега в его объятиях был неопытен и страстен, словно спелый, сочный, готовый лопнуть от одного прикосновения соблазнительный плод.

Ни один альфа не остался бы равнодушным в такой ситуации. Фу Бай пристально смотрел на прекрасное лицо Су Цзяньцю. Если бы сегодня в ванной что-то произошло, это было бы исключительно по вине самого Су Цзяньцю.

— Братец, плохо... мне плохо...

Су Цзяньцю плакал, сжавшись в комок, выглядел безумно несчастным.

В душе Фу Бая бушевала борьба, но в тот момент, когда Су Цзяньцю сквозь рыдания выкрикнул «мне плохо», он наконец одумался. У Су Цзяньцю жар. Хотя и говорят, что с омегой в жару заниматься любовью — одно удовольствие, он всё же не мог позволить себе это.

Он застегнул штаны и пояс, окликнул двух бет-служанок, убирающих в ванной:

— Вы позаботьтесь, чтобы госпожа помылась.

Затем, с трудом сдерживаясь, выбежал из ванной.

Фу Бай вернулся в свою спальню, принял холодный душ, переоделся в домашнюю одежду. Волосы ещё были мокрыми, пока он рылся в ящике комода в поисках ингибиторов типа А. Вид Су Цзяньцю только что вызвал у него сильные колебания феромонов, дошло даже до того, что без ингибиторов он не мог успокоиться.

Фу Бай действительно не ожидал, что будучи женатым альфой, обладателем жены-омеги высшего класса, чьи феромоны были до тошноты сладкими, ему придётся тайком прятаться и колоть себе ингибиторы. Это же просто абсурд!

— Господин! Беда! Госпожа, госпожа он...

Служанка в панике ворвалась в комнату, даже забыв постучать, и как раз увидела, как Фу Бай закатал рукав и протирал внутреннюю сторону руки спиртовой салфеткой, собираясь сделать себе инъекцию ингибитора. В ужасе она закричала:

— Господин, остановитесь!

— Госпожа он... он... — Служанка так нервничала, что не могла связать слова, и наконец с трудом выдавила:

— Кажется, у него брачная течка...

Рука Фу Бая дрогнула, и он швырнул ингибитор в сторону.

— Что ты сказала?

— Кажется, у госпожи брачная течка, это не жар. Пожалуйста, пойдите скорее посмотрите. — Бета-служанка схватилась за голову. Они, как беты, крайне нечувствительны к феромонам, но даже они смогли разглядеть у омеги симптомы, похожие на брачную течку. Неужели этот альфа не видит?

Су Цзяньцю всё ещё был в ванной. Едва Фу Бай открыл дверь, его ударил в нос насыщенный аромат роз. Этот запах ударил прямо в мозг, затуманил рассудок, вся кровь прилила к голове.

Да, именно этот запах, сладкий до смерти.

Фу Бай чувствовал его во время временной метки, чувствовал, когда они с Су Цзяньцю в постели целовались и дело заходило слишком далеко.

Но никогда ещё он не был таким концентрированным.

Фу Бай тут же позвонил домашней охране, приказал плотно закрыть все окна и двери. Он серьёзно опасался, что этот запах феромонов приманит всех альф в округе, и кто-нибудь влезет через окно, чтобы пометить Су Цзяньцю. Хотя это звучало нелепо, такая возможность не исключалась.

— Братец...

Су Цзяньцю лежал в ванне, совершенно голый, его кожа отливала лёгким розоватым оттенком, сведённые брови выдавали, что всем существом он сопротивляется натиску феромонов брачной течки и нестерпимому желанию.

Фу Бай вытащил его из воды, закутал в банное полотенце и прямо так швырнул на кровать. Прижал тонкую талию Су Цзяньцю и укусил его за белое изящное плечо.

Су Цзяньцю почувствовал дикую боль, его плач стал нежным и жалобным.

Фу Бай не обращал внимания, продолжал целовать и кусать его, оставляя на чистой шее несколько следов от зубов.

Сейчас он был похож на волкодава, помечающего свою территорию, своевольно расставляющего метки на своих владениях.

* * *

Сладкий омега давал вкусить настоящий вкус наслаждения.

Фу Бай потерял рассудок.

Только к концу он заметил, что Су Цзяньцю уже не мог плакать вслух, лишь слёзы капали на подушку, изредка прерываясь всхлипами. Руки Су Цзяньцю больше не обнимали его, а

впивались в простыню под ним, брови были сведены, словно он терпел какую-то пытку.

Фу Бай мгновенно запаниковал, осознав, что перестарался. Для Су Цзяньцю это была первая метка, к тому же тело у него слабое, действительно не стоило так распускаться. Он поспешил прижать его к себе, успокаивая:

— А-Цю, как ты? Прости, прости! Не нужно было так сильно, я сделал тебе больно, больше никогда не буду.

Су Цзяньцю не отвечал, только плакал.

Фу Бай забеспокоился, боясь, что навредил ему, и срочно позвонил домашнему врачу.

К тому времени, как врач приехал, Су Цзяньцю уже погрузился в глубокий сон.

— Как он?

Фу Бай виновато спросил врача. Честно говоря, в постели он не был тираном, его даже можно было назвать нежным и заботливым, никогда раньше он так не терял контроля.

Его поразило, какое влияние на него оказывал Су Цзяньцю. Су Цзяньцю в любой момент мог пробудить в нём две крайние стороны человеческой природы — крайнюю нежность и крайнюю жестокость.

Домашний врач едва сдержался, чтобы не высказаться, но ради сохранения работы удержался и сказал Фу Баю:

— Тело омеги слишком слабое, первая метка вызвала феромоновый шок, ему нужно время, чтобы прийти в себя. Дайте ему хорошенько отдохнуть.

Врач помолчал, скользнул взглядом по Фу Баю и Су Цзяньцю, затем добавил:

— У омеги небольшой разрыв у входа в детородную полость. Альфа, будь нежнее, в следующий раз будь осторожнее.

Фу Бай нахмурился. Неудивительно, что Су Цзяньцю так болело, и потом он постоянно держался за живот. Сегодня он вообще не планировал метить Су Цзяньцю, всё произошло слишком внезапно, без подготовки. Во всём виноват Шэнь Сюци!

Он мысленно записал этот счёт на Шэнь Сюци.

Распорядился, чтобы секретарь отправил Шэнь Сюци чек — в уплату долга за Су Цзяньцю, а также позвонил старейшине семьи Шэнь, сообщив, что Шэнь Сюци приставал к его жене, и чтобы семья Шэнь присмотрела за ним получше.

Су Цзяньцю спал очень крепко. Обычно он спал чутко, и только после интенсивных физических нагрузок перед сном погружался в глубокий сон. Вчера они с Фу Байем действительно интенсивно позанимались, только в постели.

После вчерашних криков горло болело невыносимо. Су Цзяньцю проснулся от обжигающей боли, попытался приподняться, несколько раз безуспешно попробовал и сдался. Придя в сознание, он почувствовал, что не только горло пылает огнём — всё его тело будто выдержало непосильный артиллерийский обстрел, кости, кажется, перемолоты, а на кровати лежала лишь бесформенная мякоть.

Вчерашние воспоминания обрывались на встрече с Шэнь Сюци в больнице, далее — большое белое пятно, а потом он, плача, приставал к Фу Баю, умолял пометить его, сделать ему больно...

Эх, лучше бы умереть.

Су Цзяньцю, испытывая дискомфорт, прижал руки к животу, и печаль нахлынула на него. Фу Бай, наверное, вчера разозлился? Он, должно быть, видел, как Шэнь Сюци обнимал его. Как же ему объяснить?

Фу Бай ещё и пометил его. Они действительно утвердили свои отношения как сексуальных партнёров. Хотя он знал, что это рано или поздно произойдёт, всё равно было неожиданно. Су Цзяньцю вдруг стало немного грустно: он потерял невинность. Хотя никаких особых чувств не было, всё равно на душе было как-то беспокойно...

Су Цзяньцю поднялся, хотел умыться, откинул одеяло и медленно, еле двигаясь, перебрался на край кровати. Но едва его ступни коснулись пола, ноги подкосились, и он рухнул на колени.

Не успел он опомниться, как вошёл Фу Бай, подхватил его на руки и усадил обратно на кровать.

Су Цзяньцю поднял взгляд на Фу Бая, чувствуя, что всё тело горит, особенно лицо и уши.

Фу Бай всё ещё был поглощён чувством вины за то, что вчера довёл его до беспамятства. Он не заметил, что уши Су Цзяньцю пылают, осторожно подумал и, укрыв Су Цзяньцю одеялом, сказал:

— Если нездоровится, не вставай, завтрак принесут наверх.

Су Цзяньцю действительно было нехорошо, особенно живот — ныл, распух и болел.

<http://bllate.org/book/15452/1370826>